

Автор представлен членом Художественного совета **Юрием Семенцом**

Вернуться.

Подожди. За окном ещё пара минут и начнётся рассвет.
Мне пока нет пяти, я спешу подрасти, чтобы видеть буфет и конфетной
фольги конфетти.
Мама спит. По подушке вот-вот поползёт первый солнечный жук.
Я её не бужу: вот, она улыбнулась во сне, вот сменил свою тень абажур.

У меня - есть на даче шалаш, мы с друзьями там спрятали клад,
От макушек до пят обливались водой каждый год жарким летом играя в
солдат.
Первый выпавший зуб – под подушку кладу, ночью фея за ним прилетит,
Дразнят в детком саду: «Суслик-Суслик, свисти» - мама, знаешь, я больше
туда не пойду.

Завтра важный экзамен, папа с велосипеда скрутил задних два колеса: Мама,
я еду сам! Мам, я еду без рук, посмотри, я пытаюсь достать небеса!

Нам бы вернуться.

Первый класс. Мне на даче сорвали огромный букет георгин,
Мне купили пенал и тетрадь, я умею читать, а ещё умножать на один
Мне поставили пять. Я счастливый сбегая с продлёнки играть во дворе,
У меня восемь соток, и всё-таки с вот таким дзотом я снова пасую в игре.
У соседа по парте дракон в тамагочи – он снова его воскресил.
Дракон хочет есть, хочет спать, дракону опять не хватает игрушечных сил
Повисим на руках? Тот, кто первый сорвётся – слабак, кто последний – атлет,
Мне уже десять лет, я вцепился в турник, словно в стяг, сжал кулак, все
сорвутся, я – нет.

Нам бы вернуться.

Мне пятнадцать. Я гелевой ручкой на пальцах рисую тату,
Когда я подрасту – обязательно стану пиратом в карибском порту,
В институт не пойду. На пруду погулять с тобой? Что ты имеешь в виду?

Мы скользили по льду, целовались в саду, я не помню, в каком мы расстались году?

Завтра важный экзамен. Мне мама желает удачи, пятак в башмаке,
Я пошёл налегке,
Куча дат на руке, пару раз подсмотрел, не был пойман никем,
У меня в рюкзаке – студбилет, и зачётка и вся королевская рать
Самый лёгкий вопрос, я встаю не готовясь, и первый как Хронос иду отвечать.

Мне поставили пять. Я счастливый сбегая по лестнице в новую жизнь.
Молодой Агасфер, не встречавший Христа, и во ржи до небес доросли этажи.

Я сменил три работы. В залоге машина, мне нечем платить за кредит.
Старый друг не звонит, переехал отец к новой женщине, мама не держит обид.

Я и сам разведён, говорят, по статистике, люди разводятся чаще мостов;
Что такое любовь? Я забыл, это видимо, что-то из прошлого, что-то из снов.
Помню, что у меня был на даче шалаш, мы с друзьями там спрятали клад.
Вот бы мне механизм, маховик, временную петлю, что-нибудь, чтоб вернуться назад.

Первый выпавший зуб. Видно, много курил, запишусь на неделе к врачу,
Мама будит меня, говорит, что я громко ночами кому-то кричу, что взрослеть не хочу,

Мама, спи, по подушке ещё не пополз первый солнечный жук,
Я тебя не бужу – ты о чём-то вздыхаешь во сне, поменял свою тень абажур;
Мне пока нет пяти. Я спешу подрасти, чтоб увидеть, что прячет буфет.
Подожди. За окном ещё пара минут и начнётся рассвет.

Носки в полоску.

Я хочу носки в полоску.
В чёрно-красную полоску.
Чтоб нарядно, ярко, броско.
Чтоб ворсисто, мягко, носко.
Чтоб по дому, чтоб на даче
Чтоб бегом, в при прыжку, вскачь и
Чтоб без сушки и без стирки,
Чтоб ни катышка, ни дырки.
Чтоб завидовал прохожий
И хотел такие тоже.

Тепло.

Я хочу тебе много сказать, но мешает тепло.
Словно в детстве – утонешь в дублёнке – не видно зимы.
Я проснувшийся дом. У меня за окном рассвело.
Слишком много тепла после тьмы.

Я хочу тебе много: и если не вслух, то в себе
Чтобы почки на ветках метро от такого тепла
Распускались быстрее, чем сплетни. Так искренне бел
Новый лист, слитый с гладью стола.

Я хочу тебе – летом в изгибе смеющихся губ
Донести раскаленный асфальт и песка перелив.
Посмотри на меня. Этот мир удивительно глуп.
Этот мир невозможно красив.

Письмо из маленького города.

Я стала своей средь бродячих собак,
И грубый асфальт – это лучшее ложе.
Мой город поместится в сжатый кулак,
А кто-то сказал, что он неба дороже.

А кто-то кричал «Купола! Купола!»
Лишь чтобы отвлечь на пожар позолоты.
Никто не заметил, как быстро зола
Накрыла родильные и эшафоты.

Никто не заметил за выслугой лет,
Как выцвел флагшток и истерлись мундиры.
Но славятся битвы! Их призрачный свет
Как хлеб бедняков берегут командиры.

А грязные руки марают кресты
Не каюсь, и лик на иконе всё строже,
Но нем. Так чего удивляешься ты,
Что время отмыть этот город не может?

Я стала своей средь бродячих собак,
И грубый асфальт – колыбель для неспящей.
Мой город поместится в сжатый кулак.
И страшно поверить, что он настоящий.

Если о Родине.

Если о Родине, то не торжественно, но
Просто, как эхо гитары в сыром переходе
Родина, стало быть, то, что в тебя вроджено,
То, что тебе суждено и с тобой происходит.

Душный плацкарт, шум перрона, стакан на столе,
Выжженный солнцем плакат на стене возле кассы.
Родина – это всего лишь огромный скелет,
В кости которого люди вцепляются мясом.

Врут, что она в куполах. И воспетую синь
Встретишь нечасто в седом и нахмуренном небе.
Родина прячется в малом. Как много россияй
В теплых бытовках сверкает сгущенкой на хлебе.

В кухнях, где строится мир и хранятся бычки,
Где за нехваткой обоев газеты на стенах,
Где прошлым веком краснеют в шкатулке значки
С памятью о перевыполненных переменах.

Родина в малом. Ни флаг, ни присяга, ни гимн
Так не близки к ней, как долька лимонная в чае.
Родина в малом – умом близоруким своим
Мы смотрим мимо, сиротство свое ощущая.

Словно простак, что в квартире ключи потерял,
И непосильной утратой до дна изувечен –
В поисках Родины я прихожу на вокзал
И остаюсь на вокзале, с надеждой на встречу.

Дед Савелий сказал...

Дед Савелий сказал: «Пережили – считай герои»,
Но таким в награду – надгробья да эпитафии.
Из большой ленинградской семьи нас осталось трое:
Дед Савелий, я и мамина фотография.

Постучалась голодная в 42-ом. А прежде
Мы о смерти думали всё второпях да мельком.
Дом топили паркетом по-чёрному, из одежды
Мне отдали старую папину телогрейку.

Мама с Леной носили по карточкам хлеб. Делили,
Приходили бледные, молча считали граммы.
Метроном убаюкивал ночью и вел к могиле.
В ноябре не проснулась Лена. А позже мама.

Вчера мы сжигали Тютчева – греться нечем.
Месяц назад забили последнюю лошадь.
Некому вынести Вареньку, пёрышка легче,
Некому, Господи, снег её припорошит.

А дальше – в тумане. Лежала глухонемая,
По глазам бежали звёздочки и квадратики.
Я лишь помню как дед, сухо кашляя и хромая,
Нёс меня на плечах и кричал: «Помогите, солдатики!».

Он потом говорил: «пережили – герои значит»
Он ни разу не плакал с тех пор, как бы боль не мяла.
Милый дед, героизм – это жизнь с любовью и самоотдачей.
А война – только смерть. Только смерть. Только смерть от конца до начала.